

— Дарья Светаева —

ПОПАЛА. ВЛЮБИЛАСЬ. В ОБОИХ.

18+

Дарья Светаева

Попала. Влюбилась. В обоих

«Автор»

2026

Светаева Д.

Попала. Влюбилась. В обоих / Д. Светаева — «Автор», 2026

Ночной вызов, гроза, кювет — и вот я, ветфельдшер Саша Ветрова, стою не под Тверью, а под чужим лиловым небом. Рядом умирает дракон. Ну а я делаю то, что умею, — закатываю рукава. Зря. Потому что теперь весь их Совет знает: я — заклинательница, первая за двести лет. Единственная, кто видит нити пепельной хвори, что выжигает драконов изнутри. До Излома, когда Грань между мирами лопнет, — считанные недели. А у меня на руках: наглый дракончик, который зовёт меня «мамо», солнечный целитель, с которым спокойно и тепло, и черный командор, с которым страшно и живо. Он рычит «не подходи» — и тайком укрывает меня своим плащом. Совету нужна моя сила. Двоим — мое сердце. А мне впервые в жизни придется выбрать самой. Вот только за этот выбор, кажется, кто-то сторит дотла. Как выбрать, когда с одним — как дома, а с другим — как в той грозе, из которой ты когда-то выпала? Осторожно: горячо. За слезы автор ответственности не несет. ХЭ — гарантирую.

© Светаева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Саша	5
Глава 2. Дар	8
Глава 3. Саша	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дарья Светаева

Попала. Влюбилась. В обоих

Глава 1. Саша

— Держи её за голову и молись, — велела я Петровичу.

Половина второго ночи, коровник под Осташковым, лампа под потолком мигает, как в дешёвом ужастике. Зорька смотрела на меня лиловым от боли глазом и явно жалела обо всех своих жизненных решениях.

Я её понимала. У меня после сегодняшнего дня список был не короче.

— Тихо, девочка. Тихо, — я прижалась щекой к горячему боку. — Всё сделаем. Ты рожай, а думать буду я, у меня это дежурная функция.

Телёнок шёл неправильно, ножка подвернулась. Двадцать минут я стояла по локоть там, где приличные люди не бывают, и уговаривала, тянула, дышала вместе с коровой. Петрович молился. Судя по результату — мы оба справились.

В два двадцать телёнок лежал на соломе, мокрый и возмущённый, а Зорька вылизывала его с таким видом, будто это лично её план и был.

— Сашка, — Петрович шмыгнул носом, — ты ж золотая. Может, самогончики?

— Петрович, мне за руль.

— Тогда молока. Банку. Две банки!

С банкой молока на пассажирском сиденье я и выехала на трассу. Дворники мотались туда-сюда, дождь лупил так, словно кто-то наверху опрокинул ведро и держал.

На светофоре в мёртвой деревне — зачем там светофор, загадка века — я глянула в телефон. Чат однокурсников, сорок сообщений. Фотографии. Кристина в белом платье. Игорь в бабочке. «Горько!»

Ах да. Сегодня же девятое.

Кольцо висело у меня на цепочке, под свитером. Его кольцо, которое он «пока заberi, Саш, чтоб не потерялось». Полгода назад забрал себя, а кольцо потеряться так и не смогло.

«Держись», — написала Дашка отдельным сообщением.

«Я на отёле была, — ответила я. — Телёнок. Три девятьсот, бычок».

«Ветрова. Ты вообще живая?»

Живая, подумала я. Просто у живых, говорят, бывает личная жизнь, а у меня — журнал вызовов.

Я бросила телефон на сиденье и тронулась.

Молния ударила через километр.

Не белая. Не жёлтая. Лиловая — глубокого, злого оттенка, как гематома на вторые сутки, — она встала поперёк трассы стеной, и я ещё успела подумать, что так молнии себя не ведут, что так вообще никто себя не ведёт...

А потом дороги не стало.

Не «занесло». Не «кювет». Дорога кончилась, как кончается плёнка в старом кино: щелчок — и вместо асфальта под колёсами оказалась пустота, а в пустоте, издеваясь, плавали два размытых пятна света.

Мы с машиной летели, и я орала. Не стыжусь: орала, как Зорька на схватках.

Удар. Темнота.

Очнулась я от того, что в щёку тыкалось что-то мокрое и настырное. Трава. Я лежала щекой в траве, притом трава была не наша: жёсткая, с сизым отливом, и пахла почему-то мятой и железом.

— Так, Ветрова, — сказала я вслух, потому что собственный голос — лучшее успокоительное после наркоза. — Встаём по частям. Сначала руки.

Руки работали. Ноги тоже. Машина стояла в пяти метрах, уткнувшись мордой в валун, и выглядела получше меня: ни одной новой вмятины, только антенна дрожала.

А потом я подняла голову и поняла, что сотрясение у меня знатное.

Потому что лун было две. Одна нормальная, белая. Вторая — маленькая, лиловая, как виноградина. И висели они над холмами, которых между Осташковым и Тверью отродясь не водилось: чёрные, острые, в снежных шапках.

— Галлюцинация, — уверенно поставила я диагноз. — Классика. Сейчас полежим, и пройдёт.

И тут заорали.

Не человек. Звук был такой, что у меня завибрировали рёбра, а банка молока — уцелевшая, кстати, — задрезжала в машине. Так орут от боли. Уж что-что, а этот регистр я узнаю в любом исполнении: хоть кот, хоть корова, хоть...

Я перевалилась через гребень холма и забыла, как дышать.

Дракон.

Настоящий. Размером с сельский клуб. Чёрный настолько, что глаза соскальзывали, — только чешуя ловила лиловый лунный блик и отбрасывала его, как мокрый асфальт. Левое крыло вывернуто и распорото, от плеча до кончика, перепонка висела лохмотьями. А в боку, под крылом, торчало что-то вроде гарпуна — кривое, костяное, и вокруг раны по чешуе расползалась чернота. Не кровь. Кровь я видела всякую. Это была именно чернота: она ползла, как плесень в ускоренной съёмке, и там, где проходила, чешуя становилась серой. Пеплом.

Дракон повернул голову и посмотрел на меня.

Зрачок — вертикальный, во всю мою ладонь. В зрачке — я: маленькая, мокрая, со съехавшим хвостом на голове.

Колени вспомнили, что они желе. Сердце стучало где-то в ушах, часто и мелко, как у кролика на осмотре.

Беги, сказала умная часть меня. Это апекс-хищник размером с дом, и ему больно, а раненое животное опаснее здорового втрое, ты сама это первокурсникам рассказывала.

— Тихо, — сказала я вслух. Не ему. Себе. — Тихо.

Он умирал. Вот что было главное, и это отменяло всё остальное. Чернота ползла к груди, дыхание рвалось — с таким сиплым присвистом, будто мехи прохудились. Час, может, два. Потом эта дрянь доберётся до сердца, или что у них там.

Пациент есть пациент. Хоть хомяк, хоть боинг с зубами.

— Я сейчас подойду, — сообщила я, поднимая раскрытые ладони. Голос почти не дрожал, горжусь. — Медленно. Я не охотник. Я, видишь, вообще с банкой молока.

Дракон зарычал. Земля под подошвами загудела, по спине пробежали все мурашки, какие были в наличии, и заняли очередь по второму разу.

Я сделала шаг. Ещё один.

— Знаю, знаю. Больно, страшно, все врут. Мне тоже сегодня не подарок: у бывшего свадьба, у коровы двойня чуть не случилась, а теперь ещё ты. Так что давай без глупостей: ты не ешь фельдшера, фельдшер вытаскивает эту дрянь. По рукам? По лапам?

Говорить. Неважно что — важно как. Ровно, скучно, по слогам. Так я заговаривала зубы кавказским овчаркам и одному быку по кличке Наполеон.

Дракон следил за мной. Рычание стало ниже — уже не угроза. Жалоба.

Вблизи он оказался горячий, как печка, — жар шёл волнами даже через метр. Я положила ладонь на чешую у края раны.

И мир включил свет.

По-другому не скажу. Под моими пальцами — под чешуёй, под мясом — засветились нити. Серебристые, тонкие, живой узор, оплетающий всё тело; я видела их не глазами, а ладонями, но видела же! А вокруг гарпуна нити были не серебристые. Пепельные. Мёртвые. И серость эта пила соседние нити, перегрызала их одну за другой, как моль — свитер.

— Это ещё что за... — прошептала я.

Рука сама потянула — не за чешую, за нить. Как узелок из гривы выбираешь: аккуратно, с краю. Пепельная нить лопнула и осыпалась, а серебристая рядом задышала, налилась светом.

Дракон выдохнул. Длинно, со стоном, и опустил голову на траву.

Не знаю, сколько это длилось. Я тянула мёртвое, распутывала живое; пальцы жгло, в висках стучало, по спине тёк то ли дождь, то ли пот. Потом упёрлась в гарпун.

— Так. Это будем вынимать. На счёт три. Ты рычи, кусаться нельзя, — я упёрлась ногой ему в бок, взялась обеими руками. — Раз... два...

Выдернула на «два», конечно. Старый фельдшерский обман, работает даже на драконах.

Он заорал так, что с ближнего холма посыпались камни. Из раны плеснуло горячим, я зашвырнула костяную дрянь подальше, надавила ладонями, и нити под руками сами потянулись друг к другу — мне оставалось их только направлять, как швы. Сверху я всё-таки прошла капроном из укладки, стянув края раны, — просто чтобы держалось.

— Шовный материал рассчитан на лабрадора, — сообщила я пациенту, завязывая узел. — Так что не дёргайся, порвёшь — второй раз шить нечем.

Дракон дышал. Ровно. Присвист ушёл. Огромный глаз был в сантиметрах от моего лица, и в нём что-то происходило — зрачок ходил, ловил меня, отпускал и снова ловил, как будто дракон никак не мог решить главный вопрос своей жизни.

— Ну всё, всё, — я погладила его по надбровной дуге. Он позволил. — Жить будешь. С крылом завтра разберёмся, если галлюцинация не рассосётся...

Вспышка.

Меня отбросило горячим воздухом, а когда я проморгалась, дракона не было.

На примятой траве, там, где только что лежала туша размером с клуб, стоял на одном колене человек. Мужчина. Абсолютно, категорически голый, в разводах крови и пепла, и швы моим капроном шли у него через рёбра — чёрные, аккуратные, мои швы.

Он поднял голову. Глаза у него были те же. Вертикальный зрачок, расплавленное золото по краю.

Я не успела ни отступить, ни заорать. Он двигался как хищник даже полумёртвый: пальцы сомкнулись на моём запястье — горячие, будто я сунула руку в духовку.

— Кто тебя послал, заклинательница?

Глава 2. Дар

«Чёрное пламя не лечится. Носитель подлежит [вымарано] во избежание повторения Пепельной ночи». Протокол Конклава, 214 год после Излома

Гончая пришла со стороны солнца — как всегда.

Я успел крикнуть Тышу «вниз!» — и то хорошо: мальчишка нырнул, и челюсти, способные перекусить драконью шею, лязгнули в пустоте.

Дальше мы с ней остались вдвоём, над самой Гранью, где воздух горчит пеплом.

Гончие Изнанки не летают. Они падают — во все стороны сразу. Эта была старая, умная: она не гналась, она загоняла, отжимала меня от крепости к разлому, и я позволял, потому что у меня свой расчёт: над разломом её можно сжечь, не спалив пол-леса.

Мой дракон рвался с цепи.

Пятнадцать лет он рвётся с цепи. Каждый день, каждый час: выпусти. Пятнадцать лет я держу, потому что один раз выпустил — и с тех пор род Веймар произносит моё имя только в родовом списке погибших. Сразу после Миры.

— Потерпи, — сказал я ему. Себе. Нам. — Огонь по команде.

Гончая ударила раньше команды.

Она сложилась в воздухе — так складывается бумага, а не тело, — и оказалась не спереди, где я её вёл, а сверху и сзади, и хребет мне спасло только то, что дракон рванул сам. Когти прошли по крылу. Перепонка лопнула с звуком рвущегося паруса, костяной шип гарпуном вошёл под крыло, между пластин, и я почувствовал, как следом в рану втекает холод.

Хворь. Значит, теперь они носят её в шипах. Конклав будет в восторге.

Огня хватило на один выдох. Гончую смело в разлом горячей тряпкой, а я падал, считая удары сердца, и на четвёртом десятке встретился с землёй.

Дальше — рвано.

Помню: приказал Тышу уходить в крепость с донесением. Он кружил и скулил, как щенок, — «командор, я не брошу», — пока я не рывкнул так, что сам оглох. Ушёл.

Помню: холод полз от раны к сердцу, аккуратно, нитка за ниткой. Я лежал в мокрой траве, драконом, потому что на человеческий облик не осталось сил, и думал, что это, в сущности, приемлемый исход. Хворь добьёт меня раньше, чем чёрное пламя вырвется ещё раз. В протоколе напишут: «погиб при исполнении». Отец, пожалуй, даже кивнёт.

А потом с холма скатилось нечто и заговорило.

Я сначала решил, что брежу. По склону, оскальзываясь, спускалась человеческая женщина — мокрая насквозь, в странной одежде, с раскрытыми ладонями — и несла какую-то восхитительную чушь. Про то, что она не охотник. Про корову с двойней. Про банку молока.

Голос у неё был ровный и тёплый, как нагретый камень. Таким голосом не говорят с чудовищами. Таким голосом говорят с теми, кого собираются спасти.

Уходи, хотел сказать я. Во мне два вида смерти, и я не знаю, который быстрее.

А потом она положила ладонь на рану.

И мой дракон замолчал.

Понимаете, нет... Пятнадцать лет. Пятнадцать лет он выл, грыз цепь, кидался на прутья — я забыл, как звучит тишина внутри собственной шкуры. Я спал вполглаза, ел вполвкуса, дышал вполгруди — только держать, только не выпустить.

Она коснулась — и он лёг. Весь. Разом. Как ложится буря, когда ей приказывает кто-то старше бури.

И сквозь тишину, оглушительную, как обвал, я услышал слово. Не ушами — кровью. Его произнёс мой дракон, впервые за пятнадцать лет обратившись ко мне не рёвом, а речью, и слово было:

«Истинная».

Нет, сказал я.

«Истинная», — повторил он, урча, как теплеющая земля, и потянулся под её ладони.

Нет. Этого не будет. Проси что хочешь: неба, огня, драки. Этого — не будет. Всё, что я подпускаю ближе клинка, сгорает. Правило проверено. Цена уплачена. Вопрос закрыт.

А она тем временем рвала из моих жил пепельные нити — я чувствовал каждую: боль, потом лёгкость, будто из лёгких выкачивают воду, — и ругалась себе под нос, и предупреждала «на счёт три», и дёргала на «два».

Гарпун вышел. Я орал. Она — клянусь Гранью — сказала «не дёргайся, порвёшь».

Мне. «Не дёргайся».

Полтора столетия рода Веймар, командор Небесной стражи, чёрный ужас Изнанки. Порвёшь, говорит, шить нечем.

Когда осталось сил на оборот, я обернулся — потому что человеком проще допрашивать. И потому что дракону слишком нравилось лежать под её руками. Недопустимо нравилось.

Я взял её за запястье. Тонкое. Пульс под пальцами колотился — часто, живо, наперекор её спокойному лицу.

— Кто тебя послал, заклинательница?

— Во-первых, здрасте, — сказала она. — Во-вторых, вы голый. В-третьих, что такое «заклинательница»?

— Отвечай.

— На который из трёх пунктов?

Я смотрел на неё сверху вниз — я на две головы выше, я умею смотреть так, что ветераны вспоминают строевые команды. Она смотрела снизу вверх и держала — не взгляд даже, а меня целиком, как держат за шкурку кота, вознамерившегося драться.

— Никто меня не послал, — сказала она. — Я ехала с вызова, попала в грозу, очнулась тут. Где «тут» — это, кстати, встречный вопрос. И руку отпустите. Этими пальцами я вас только что штопала, они мне дороги как память.

Она не лгала. Я слышу ложь — по сердцу, по запаху; её сердце частило от страха, но не от лжи. Из-за Грани миров, значит. В ночь, когда гончие носят хворь в шипах. Случайно. Верю ли я в такие случайности?

Мой дракон верил в другое, и его распирало от этого другого, как весенний лёд.

И ещё запах. Будь он проклят, этот запах: розовая вода, мята, тёплое молоко — и под ним что-то её собственное, от чего у меня, полумёртвого, сводило горло. Запахи не запоминают усилием воли. Этот я уже знал наизусть.

— Долго будете держать? — спросила она. — Пульс мне считаете? Сорок минут в мокром на ветру, тахикардия, не благодарите за диагноз.

Я разжал пальцы. Не сразу. Позже, чем следовало, — и она это заметила, судя по поднятой брови.

— Что было в шипе? — спросил я. — Ты вытянула из раны серость. Как?

— Руками. Слушайте, я не знаю, как! Вижу нитки — тяну нитки. Плохие рвутся, хорошие остаются. У вас, кстати, три штуки там перегрызены глубоко, я их связала, но я бы понаблюдала пациента в динамике...

— Пациента, — повторил я.

— Ну а кто вы мне? Спаситель? Работодатель? Пока по всем признакам — пациент. Крупный, агрессивный, прогноз осторожный.

Пятнадцать лет никто не разговаривал со мной без оглядки на чёрный мундир. Отвыкаешь. Как от солнца в погребе.

Рог Тыща пропел с востока — патруль. Нашли. Молодец, мальчишка.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Александра. Саша. Ветрова. Фельдшер ветеринарной службы, если это повлияет на моё уголовное дело.

— Повлияет, — сказал я. — Ты арестована, Александра Ветрова.

— Что?! Я вам жизнь спасла!

— Именно поэтому.

Она открыла рот. Закрыла. В глазах — серых, злых — прыгали лиловые луны.

— Знаете, — сказала она наконец, — у меня сегодня был бык, корова, свадьба бывшего и падение в другой мир. Я думала, хуже не будет. Спасибо, что расширили горизонты.

Патруль вывалился из-за холма — четыре дракона, факелы, Тыш впереди. Я стоял, смотрел, как она сердито заматывает свою железную повозку какой-то тряпкой, и ловил себя на том, что запоминаю: мокрую прядь у виска, гусиную кожу над воротом — час на ветру, в мокром, — упрямую линию плеч.

Замёрзла. И молчит. Дура бесстрашная.

Я стянул с Тыша запасной плащ и набросил ей на плечи — потому что если она сляжет, Конклав не получит ответов. Исключительно поэтому.

— В крепость её, — приказал я. — Целителю. Глаз не спускать. Разместить в дальнем крыле.

Тыш моргнул:

— Командор, дальнее крыло второй месяц без стёкол. Зима же.

— В лазарете разместить. — Я поймал его взгляд. — Что?

— Ничего, командор.

— Вот и ничего.

Она тем временем что-то возмущённо говорила про «сначала арестовали, теперь плащ, вы уж определитесь». Я не слушал. Я смотрел, как патрульный поднимает её в седло, и слушал, как внутри, в наконец-то тихой моей шкуре, дракон поёт — впервые за пятнадцать лет.

Обратно я летел сам — с недошитым крылом, ниже и медленнее строя, и Тыш плёлся рядом, деликатный, как обвал в горах:

— Командор, а чего она вас штопала? Она из этих, из заклинателей, да? А почему тогда Конклав её не... А правда, что ваш дракон при ней...

— Тыш.

— Молчу.

Три удара крыльев тишины.

— Просто он у вас никогда таким спокойным не был, — выпалил мальчишка и ушёл вверх, от греха.

Спокойным. Да.

Мой дракон висел на незнакомой женщине всем своим весом — так глядят из-за прутьев на весну. Он уже всё решил, безмозглая ящерица. Он не был в Пепельной ночи. То есть был — но он не помнит её так, как помню я: криком Миры, который кончился слишком быстро.

Я помню. Мне хватит на нас двоих.

Правило простое, и оно не меняется: всё, что я подпускаю ближе клинка, сгорает. Значит — дознание, Конклав, и пусть её заберут в столицу, под чужую ответственность, с глаз долой. Неделя, самое большее две.

Дракон под этими мыслями заскулил — тонко, беспомощно, как в первый год.

Вот что я скажу.

Проще было сдохнуть в том овраге.

Глава 3. Саша

— Ешьте кашу, — сказал целитель. — Или я вас усыплю.

— Что?!

— Снотворным. — Он поднял ладони. — Исключительно снотворным, простите, у меня плохо с формулировками до полудня. Меня зовут Лиран. Лиран Тейс, старший целитель этого сурового заведения, и у вас истощение, обезвоживание и переохлаждение, поэтому — каша.

Я сидела на койке в зале с высоченным сводчатым потолком. Солнце лезло в окна — я проспала, судя по нему, часов десять. Пахло травами, воском и, собственно, кашей. Каша была с мёдом и орехами и пахла как решение всех проблем.

А целитель был золотой.

В прямом смысле: волосы цвета сливочного масла, глаза янтарные, и когда он двигался, в воздухе будто теплело на пару градусов. Улыбался он так, словно мы сто лет знакомы и я ему, в целом, всегда нравилась.

Осторожно, Ветрова. Ты после таких улыбок кольцо на цепочке носишь.

— Где моя одежда? — спросила я. — И машина. И вообще.

— Одежда сушится, повозка ваша во дворе, местные мальчишки уже отломали от неё зеркало, но я отобрал, — он подал мне ложку. — А «вообще» — вы в крепости Гнездовье, это Восточный предел державы Аэрдан, и вы первый человек из-за Грани за последние двести лет. Поздравляю. Ешьте.

— Аэрдан, — повторила я. — Грань. Ага.

— Вы удивительно спокойны.

— У меня стадия торга. Ем кашу, торгуюсь с мирозданием.

Он засмеялся — легко, всем лицом.

И тут дверь грохнула, и в лазарет вошли двое: сухой человек в сером, с папкой под мышкой и лицом человека, у которого изжога с рождения, а за ним — он.

Командор. Вчерашний. Одетый, к сожа... к счастью. К счастью, конечно.

Чёрный мундир с серебряной окантовкой, ни одной лишней складки. При свете дня стало видно то, что ночью я упустила: он был красив той неприятной породой красоты, к которой прилагается уверенность, что мир создан по его чертежам. Скулы как под линейку. И глаза — расплавленное золото по краю зрачка.

Швы мои, между прочим, где-то под этим мундиром. Капроновые.

— Дознаватель Прест, — представился серый и раскрыл папку. — Процедура установления личности и намерений. Отвечать полно, правдиво, по существу.

— Каша остынет, — сказал Лиран.

— Каша подождёт установления намерений.

Намерений у меня было два: доесть и домой, — о чём я и сообщила. Дальше час выглядел так: Прест спрашивал, я отвечала, Прест записывал с таким скрипом, будто перо тоже мне не верило.

— Итак, вы утверждаете, что являетесь... — он сверился с записью, — «фельдшером ветеринарной службы». То есть лекарем скота.

— И скота тоже. Вообще всех, кто не может пожаловаться словами.

— И вы утверждаете, что впервые увидели командора ар-Веймара вчера ночью.

— Его драконью версию. Человеческую я увидела чуть позже и не по своей инициативе.

Перо скрипнуло и остановилось.

— Уточните.

— Он превратился в голого мужчину и схватил меня за руку. Пишите, пишите. Пункт «намерения» заполняйте с его слов.

Командор у окна не шевельнулся, но у него дёрнулся уголок рта. На долю секунды. Я засчитала себе очко.

— Гражданка Ветрова, — Прест перешёл на торжественный канцелярит, — вы обвиняетесь в незаконном пересечении Грани, в применении неустановленного воздействия к офицеру Небесной стражи...

— Это «неустановленное воздействие» называется «первая помощь»!

— ...и в сокрытии природы своего дара. Заклинатели обязаны вставать на учёт Конклава с момента проявления...

— Да я слово «заклинатель» узнала этой ночью! От него! — я ткнула ложкой в сторону командора. — А он вообще неразговорчивый, так что определение я жду до сих пор!

— Достаточно, — сказал командор.

Негромко. Но у Преста закрылась папка — по-моему, сама.

— Дознание окончено. Она не лазутчица.

— Командор, при всём уважении, порядок требует...

— Порядок требует, чтобы лазутчик умел лгать. — Он оттолкнулся от подоконника и пошёл к моей койке, неторопливо, как циклон на побережье. — Она не умеет. Она час штопала боевого дракона на голой земле, вместо того чтобы бежать. Лазутчики так не делают. Так делают только очень храбрые. Или очень глупые.

— Спасибо, — сказала я.

— Это не был комплимент.

— А я не благодарила.

Мы смотрели друг на друга. Где-то на краю зрения Лиран переводил взгляд с него на меня с видом человека, следящего за интересным матчем.

— До решения Конклава, — командор отвернулся первым (два очка!), — она остаётся в крепости. Под моей стражей. Из лазарета не выходить, к драконнику не приближаться. Ясно?

— А гулять мне можно? Или сразу кандалы?

Он уже шёл к двери, как будто вопрос рассосался в воздухе.

— Плащ тогда заберите! — я стянула со спинки койки вчерашний плащ, чёрный, тяжёлый, до сих пор тёплый, зараза. — Ваш подчинённый замёрзнет, а я арестованная, мне статус не позволяет.

Он посмотрел на плащ. На меня.

— Сожгите, — сказал он и вышел.

Дверь бухнула. Прест просеменил следом, на ходу что-то дописывая.

— Ничего себе у вас тут климат, — сказала я в тишину.

— Вы не поняли, — задумчиво отозвался Лиран. — Это чёрный род. Веймары не отдают свои вещи и не берут их назад. Никогда. Он сейчас сказал «оставь себе» на единственном языке, которым владеет.

— А «спасибо» на этом языке есть?

— Нет. Есть «не смей умирать в моём небе», но это высокое наречие, до него ещё дожить надо.

Я хотела уточнить, шутит ли он. Не успела: в окно — в закрытое, между прочим, окно, точнее, в форточку под потолком — свалилось нечто.

Нечто было размером с крупного спаниеля, белое, в складочку, с крыльями, которые явно выдали на вырост, и перепуганными глазами по пять копеек. Оно спикировало точнёхонько на мой поднос, село в кашу, схватило булку и замерло, обнаружив, что все на него смотрят.

«Это не я», — сказал голос у меня в голове. Детский, гундосый и абсолютно наглый.

— Пельмень! — простонал Лиран. — Опять!

«Я не Пельмень, я Северный Ветер!»

— Это дракончик-найдёныш, — Лиран потёр переносицу. — Подкидыш, зимой у ворот оставили. Телепат, редкая порода и редкая зараза. Ворует еду, потому что считает, что его тут морят голодом. Его тут кормят пять раз в день.

«Шесть, — поправил голос. — Просто шестой раз никто не приносит, приходится самому».

Дракончик тем временем разглядывал меня. Ноздри у него раздувались. Потом он сделал шаг по подносу — прямо по каше, — упёрся лапами мне в грудь и уставился в глаза.

«Тёплая, — изумлённо сообщил он. — Ты как юг. Ты чья?»

— Своя собственная, — сказала я и почесала его под челюстью, как кота.

Это была ошибка. В хорошем смысле. Пельмень заурчал — с подвыванием, как маленький трактор, — растёкся по мне всеми четырьмя лапами, сунул нос мне за ухо и объявил на весь, по-моему, лазарет:

«Мамо. Я выбрал. Ты — мамо».

— Поздравляю, — сказал Лиран очень серьёзно. — У вас ребёнок. Алименты в этом мире взыскать не с кого, сразу говорю.

Смеялась я, кажется, впервые за неделю. А отсмеявшись, посмотрела через окно во двор — и смех кончился.

Через двор, к длинному зданию с воротами — драконник, судя по мордам, торчащим из окон, — вели дракона. Бурого, крупного. Он шёл, спотыкаясь, и с крыльев его сыпалась серая пыль, а по бокам, под шкурой, я видела — вот этими глазами, через стекло и полста метров — как гаснут нити. Пепельная моль жрала его заживо, и никто из идущих рядом людей не видел. Ни-че-го.

— Лиран, — сказала я. — Тот дракон. У него эта дрянь. Как у командора вчера. Только дальше зашло, к груди уже.

Лиран замер с флаконом в руке.

Подошёл. Посмотрел во двор. Потом на меня — долго, внимательно, и всё тепло из его лица ушло куда-то внутрь, а осталась такая сосредоточенность, что мне захотелось спрятаться за Пельменя.

— Вы видите хворь, — сказал он тихо. — Через стену. На расстоянии. Без транса.

— Я не знаю, что я вижу! Нитки какие-то. Серые — плохие, серебряные — хорошие, что тут непонятного?

— Непонятного? — он засмеялся, коротко и без веселья. — Саша. Хворь не видит никто. Двадцать лет лучшие целители Конклава пытаются её хотя бы обнаружить до последней стадии. Мы проигрываем войну вслепую... а вы говорите «нити». — Он взял мою руку и повернул ладонью вверх, осторожно, как что-то бьющееся. — Вы хоть понимаете, что вы такое?

— Понятия не имею, — честно сказала я.

Врать не буду: страшно мне стало не тогда.

Страшно стало ночью. Пельмень сопел у меня в ногах, свернувшись бубликом, луны — обе — лезли в окно, а я лежала и рассматривала собственные руки, потому что после сегодняшнего у меня к ним появились вопросы.

И при двойном лунном свете я увидела.

Нить. Одна-единственная, тоньше паутинки, серебряная с чёрным отливом — такой я ещё не встречала. Она начиналась у меня под запястьем, там, где пульс, уходила через закрытое окно, через двор, мимо драконника — и тянулась, не провисая, к чёрной башне на дальней стене крепости.

К той самой, на которую мне приближаться запретили.

Особым, так сказать, приказом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.